
Космологическія антиноміи И. Канта ¹⁾.

Ваше Преосвященство и Глубоко-чтимое Собрание!

Два имени,—подобно двумъ кризисамъ въ жизни отдѣльнаго человѣка —, разграничиваютъ возрасты европейской мысли. Платонъ и Кантъ—вотъ эти два водо-раздѣла, отдѣляющіе невѣдомое, теряющееся въ космогоніяхъ сѣдой древности начало философіи отъ ея конца, которымъ еще чреватое неизслѣдимое будущее. Съ именами этими навѣки сраслось самое значительное, что есть въ философіи, и если бы погибли всѣ философскія произведенія, кромѣ Діалоговъ Платона и Критикъ Канта, то, кажется, мы все таки сохранили бы право гордиться философскою библіотекою человѣчества. Платонъ возглавилъ собою древній родъ своихъ философскихъ пращуровъ и началъ новый родъ, который много столѣтій жилъ за счетъ Платоновскаго ученія о разумѣ и о познаваемыхъ имъ идеяхъ. Послѣднимъ блестящимъ,—если не самымъ блестящимъ!—,развивателемъ платонизма былъ Лейбницъ. Вотъ почему мы не должны удивляться, что революціонный Кантъ захотѣлъ низвергнуть этого потомка греческаго мыслителя, вознамѣрился подсѣчь зазеленѣвшій отпрыскъ на платоновскомъ корнѣ. Въ лицѣ Лейбница онъ обрушивался на Платона; въ лицѣ Платона сводилъ счеты со всею европейскою философіей. Принципъ истины отъ человѣка столкнулся съ принципомъ истины отъ Бога. Само-познаніе—съ Бого-познаніемъ. Дальнее съ неслыханною силою противостало горнему. Тотъ отдѣлъ „Критики чистаго разума“, который носитъ названіе „Трансцендентальной Діалектики“, во всемъ величій

1) Пробная лекція pro venia legendi, читанная въ общемъ собраніи Свѣта Московской Духовной Академіи 17-го сентября 1908 года.

представляет титаническую борьбу двух исполинов философіи,—Канта и Платона. И, въ этой схваткѣ, эпизодъ едвали не наиболѣе значительный и, во всякомъ случаѣ, безспорно, наиболѣе захватывающій—антиноміи чистаго разума.

Всѣмъ извѣстно, конечно, что въ отдѣлѣ объ антиноміяхъ Кантъ имѣетъ своею цѣлью доказать само-противорѣчивость той высшей способности человѣческаго познанія, которую онъ называетъ разумомъ. Антиноміи—это и суть такія полярно-противоположныя высказыванія, которыя противорѣчатъ другъ другу и къ которымъ, однако, разумъ вынужденъ приходить въ силу данной своей организациі. Но чтобы понять истинный смыслъ Кантовскаго ученія объ антиноміяхъ, необходимо вспомнить, какѣ мѣсто занимаетъ оно въ общемъ контекстѣ „Критики чистаго разума“.

Вы помните, несомнѣнно, что задачей „Критики“ было обслѣдовать составъ и границы человѣческаго разума въ его познавательной дѣятельности (—беру слово „разумъ“ въ его общемъ значеніи—). Оказалось, что разумъ есть, какъ бы, сложная фабрика о трехъ этажахъ,—и въ каждомъ изъ этажей работаетъ одна изъ трехъ его способностей: чувственность—посредствомъ созерцаній пространства и времени, разсудокъ—посредствомъ коренныхъ своихъ понятій (категорій) и разумъ (въ узкомъ, техническомъ смыслѣ слова)—при помощи идей.

То, что разумъ приводитъ въ порядокъ и чему онъ даетъ форму въ каждомъ изъ предыдущихъ этажей, поступаетъ въ видѣ матеріала для новой обработки на этажъ слѣдующій: тутъ этому матеріалу придается дальнѣйшее единство.

Чувственность связываетъ впечатлѣнія и создаетъ временно-пространственныя явленія; явленіе же,—продуктъ созерцанія,—есть матеріаль для разсудка. Тотъ послѣдній связываетъ явленія, образуя изъ нихъ опыты. И наконецъ, разумъ связываетъ опыты въ стремящееся къ полному единству, но никогда единства не достигающее цѣлое,—въ научную систему.

Такимъ образомъ, познавательная дѣятельность состоитъ, по Канту, въ рядѣ связей, все глубже и глубже проникающихъ во впечатлѣнія, и возможность этихъ связей опирается на наличность въ познающемъ духѣ особыхъ формъ

единства: пространства со временемъ, понятій и, наконецъ, идей.

Этотъ краткій итогъ Критики уже достаточно показываетъ, что познание, съ точки зрѣнія Канта, ограничено областью чувственнаго опыта и что, слѣдовательно, метафизика, претендующая на познание сверх-чувственнаго чрезъ за-опытное, нечувственное примѣненіе формъ разума, есть сплошное недоразумѣніе, хотя и необходимое, поскольку въ самомъ разумѣ заложена суетная склонность оперировать съ пустыми формами своей организаціи. Изобличеніе этихъ суетныхъ притязаній разума, равно какъ и объясненіе ихъ непрекращающагося существованія составляетъ прямую задачу „Трансцендентальной Діалектики“.

Въ опытѣ никогда не дана безконечность, но всегда только конечное; и наоборотъ, все, что попадаетъ въ сферу опыта, тѣмъ самымъ есть конечное. Поэтому, какъ всегда-конечный, никакой опытъ не носитъ абсолютно-законченнаго характера и, потому, за всякимъ опытнымъ синтезомъ можетъ быть данъ новый, еще болѣе синтезированный. Въ этомъ смыслѣ, опытъ никогда не является просто конечнымъ, но всегда—тѣмъ, что называется потенціальною безконечностью,—безконечностью въ возможности,—никогда не данною, но всегда имѣющеюся въ виду. Абсолютность, законченность, безконечность—это отраженіе въ опытѣ собственнаго стремленія разума, его неудовлетворенности конечнымъ и условнымъ. Это стремленіе разума и есть та самая функція его, въ силу которой возможно прогрессивное движеніе науки. Эта-то,—если угодно—,безконечная функція разума и есть истинный двигатель науки; но она же, вѣчно понуждая науку впередъ, понуждаетъ впередъ и лже-науку, метафизику. Роста хлѣбъ, она неизбѣжно раститъ и плевелы.

Происходитъ дѣло такъ вслѣдствіе того, что имѣя данную намъ функцію безконечную мы не имѣемъ интуиціи сверх-чувственнаго, и, слѣдовательно, эта функція, вѣчно стремясь воплотиться конкретно, вѣчно остается неудовлетворенной и, утомленная своими исканіями, принимаетъ свои пустыя формы дѣятельности,—идеи разума—, за вещи. Это ошибочное принятіе создаетъ метафизическую иллюзію, рождающуюся, однако, отъ причинъ лежащихъ не въ опытѣ, а въ организаціи самого разума. И потому, въ отличіе отъ эмпириче-

ской иллюзіи Кантъ называетъ ее иллюзіей трансцендентальною, т. е. происходящею отъ самыхъ условій познанія. Подобно тому какъ ограниченный горизонтъ есть кажущееся явленіе перспективы, но, хотя мы всё знаёмъ, что небо не опирается на землю, однако всё вѣдимъ, что—опирается, такъ же точно, небо сверх-чувственнаго нигдѣ не соприкасается съ землею опытнаго міра, и, тѣмъ не менѣе, разумъ неизбѣжно кажетъ намъ противное. Но стоить только намъ начать подходить къ краю земли, гдѣ мужики на небо зипуны вѣшаютъ, какъ сдѣлается явнымъ, что этотъ край на столько же отдалился отъ насъ, на столько мы къ нему приблизились. И такъ—безъ конца. Мы сами въ себѣ носимъ дразнящій насъ обманъ разума, и никакая философія не избавитъ отъ него. Единственное, что можетъ дать философія—это объяснить намъ какъ иллюзорность, такъ и, вмѣстѣ, неизбѣжность нашего метафизическаго познанія.

Такова, въ общемъ очеркѣ, мысль Канта. Вникнемъ теперь, какимъ именно процессомъ разумъ приходитъ къ созиданію метафизики.

Закономъ всякаго опыта служить причинная связь явленій. Устанавливая связь явленій и ихъ условій мы движемся въ направленіи, куда путеводитъ идеаль науки. Подыскивая къ данному явленію условіе его мы тѣмъ самымъ подводимъ наше опытное сужденіе подъ болѣе общее, подъ правило. Такъ, для сужденія: „всѣ тѣла измѣнчивы“ условіемъ будетъ: „всѣ тѣла сложны“, а правиломъ—: „все сложное измѣнчиво“. Такимъ образомъ, правило даетъ болѣешую посылку, условіе его примѣненія—меньшую, а само примѣненіе образуетъ выводъ. Значитъ, подыскивая къ каждому сужденію его правило и его условіе, къ правилу—его правило и его условіе и т. д., посредствомъ этого ряда просиллогизмовъ мы движемся по направленію къ идеалу науки. И если бы разумъ удовлетворился этимъ движеніемъ,—шагъ за шагомъ—къ правиламъ все болѣе и болѣе общности, то все обстояло бы благополучно, и стремленіе разума къ безусловному только нудило бы насъ никогда не удовлетворяться ни однимъ найденнымъ правиломъ.

Но этотъ медленный и безконечный путь скоро прискучивается. Разумъ хочетъ не пути безконечнаго, а данности безконечной.

„Разъ дано явленіе, то даны и условія его,—всѣ“ разсуждаетъ онъ. „Разъ даны всѣ условія, то дано и то, что есть условіе всего ряда условій и что, слѣдовательно, само уже никогда не бываетъ обусловленнымъ, но всегда—обусловливающимъ“. Это требованіе абсолютной законченности—совершенно справедливо; но именно,—какъ требованіе. Покуда разумъ говоритъ о своей идеѣ абсолютной цѣлостности условій—онъ вполне правъ. Разумъ нисколько не погрѣшаетъ когда говоритъ: „не могу не требовать абсолютной цѣлостности условій“. Но разумъ дѣлается софистичнымъ, лишь только это свое требованіе, эту свою идею считаетъ не за требованіе только, не за идею только, но и за удовлетвореніе требованія, за данность, внѣ его находящуюся,—за вещь въ себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, умозаключеніе метафизики отъ бытія условнаго къ бытію безусловному представляется по слѣдующей схемѣ:

„Если дано обусловленное, то данъ и рядъ всѣхъ его условій, а, слѣдовательно,—и само безусловное; обусловленное бытіе дано,—слѣдовательно, дано и безусловное“.

Но это умозаключеніе есть лже-заключеніе,—что въ логикѣ называется *quaternio terminorum*. Въдѣ тутъ слово „дано“ употребляется въ разныхъ смыслахъ. „Если дано обусловленное“. Какъ „дано“?—Конечно, какъ вещь въ себѣ, метафизически: въ самомъ дѣлѣ, большая посылка есть посылка метафизическая и только въ сферѣ метафизики имѣетъ она смыслъ. Въ меньшей же посылкѣ говорится: „Но обусловленное дано“. Какъ?—Эмпирически, какъ явленіе. А, значить, изъ двухъ взятыхъ посылокъ нельзя извлечь никакого заключенія, ибо онѣ не имѣютъ общаго средняго термина.

Но вообще существуютъ три рода умозаключеній: категорическое гипотетическое и дисъюнктивное; поэтому коренной софизмъ метафизики происходящій отъ неумѣстнаго примѣненія умозаключенія каждаго изъ этихъ трехъ родовъ, можетъ принимать тройкую форму.

Категорическое умозаключеніе выражаетъ отношеніе качества къ предмету и, значить, въ примѣненіи къ метафизикѣ, оно даетъ лже-заключеніе о предметѣ, который является субъектомъ всѣхъ своихъ качествъ, но самъ никогда не бываетъ ничѣмъ качествомъ,—т. е. идею души.

Гностическое умозаключение выражаетъ отношеніе явленія къ его условію или причинѣ и, значить, въ примѣненіи къ метафизикѣ, оно даетъ лже-заключеніе о предметѣ, который является условіемъ всѣхъ своихъ слѣдствій, но самъ никогда не бываетъ ничѣмъ слѣдствіемъ,—т. е. идею міра.

Наконецъ, *дисъюнктивное* умозаключение выражаетъ отношеніе частей къ ихъ цѣлому и, значить, въ примѣненіи къ метафизикѣ оно даетъ лже-заключеніе о предметѣ, который является цѣлымъ всѣхъ своихъ частей, но самъ никогда не бываетъ ничѣю частью,—т. е. идею Бога. Иначе говоря, согласно понятіямъ объ условномъ бытіи въ насъ, внѣ насъ и о бытіи вообще, возникаютъ въ разумѣ идеи о безусловномъ бытіи въ насъ, внѣ насъ и о безусловномъ бытіи вообще, т. е. о душѣ, о мірѣ и о Богѣ. Душа, міръ и Богъ—вотъ три предмета метафизики, согласно которымъ она дѣлится на раціональную психологію, раціональную космологію и раціональную теологію.

Разъ сочтя эти идеи за вещи въ себѣ, метафизика начинаетъ обращаться съ ними, какъ съ тѣмъ, что дано ей, и, слѣдовательно, примѣняетъ къ нимъ категоріи,—качества, количества, отношенія и модальности. Отсюда происходитъ то, что каждая изъ трехъ идей получаетъ четвероякую характеристику, входя подлежащимъ въ четыре сужденія. Эти $3 \times 4 = 12$ сужденій объ идеяхъ разума и образуютъ основное содержаніе метафизики, такъ что на каждую изъ трехъ метафизическихъ дисциплинъ приходится по четыре метафизическихъ теоремы. Изобличеніемъ этихъ трехъ дисциплинъ и занимается въ дальнѣйшемъ „Трансцендентальная Діалектика“. Но мы обратимся къ разсмотрѣнію космологіи.

Хотя въ ученіи объ идеяхъ разума Кантъ доказалъ, что изъ затѣи метафизики ничего не можетъ выйдти, тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ нужнымъ показать еще разъ, что, дѣйствительно, ничего не выходитъ. Наибольше яркій примѣръ тому—космологическая идея,—т. е. идея міра, какъ цѣлаго,—которая разсыпается въ противорѣчіяхъ, лишь только мы подходимъ къ ней ближе, желая изучить свойства міра, какъ цѣлаго. Каждому утвержденію,—тезису о мірѣ,—противостоитъ противоположеніе, антитезисъ. Если мы хотимъ опредѣлить

міръ по количеству, то оказывается, что одновременно и съ равною доказательностью вынуждены мы признать, что онъ конеченъ и безконеченъ. Если хотимъ опредѣлить его по качеству, то оказывается, что каждая часть міра не дѣлима до безконечности и безконечно дѣлима. Если, далѣе, мы задаемся выяснить характеръ причинности въ мірѣ, то оказывается, что онъ и включаетъ въ себя свободно-дѣйствующія существа, и исключаетъ ихъ. Наконецъ, можно доказывать, что въ мірѣ, или внѣ міра есть существо, абсолютно-необходимое; а можно доказывать и то, что такого существа нѣтъ. Таковы четыре пары космологическихъ антиномій. Вотъ какъ аргументируетъ Кантъ свою антитетику:

Первая антиномія касается величины міра.

„Міръ имѣетъ начало во времени и заключенъ въ границахъ въ пространствѣ“, гласитъ тезисъ.

„Міръ не имѣетъ ни начала, ни границъ въ пространствѣ, но безконеченъ какъ въ отношеніи пространства, такъ и въ отношеніи времени“, утверждаетъ антитезисъ.

Доказательство того и другого—отъ противнаго; т. е. предполагается противное тому, что нужно доказать, и приводится къ нелѣпости. Иными словами, при доказательствѣ тезиса доказываемъ невозможность антитезиса, а при доказательствѣ антитезиса—невозможность тезиса. Итакъ, доказываемъ, что міръ имѣетъ начало во времени. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это было не такъ, то до даннаго момента протекла бы вѣчность. Но безконечность ряда въ томъ-то и состоитъ, что онъ никогда не можетъ быть законченъ путемъ послѣдовательнаго синтеза, т. е. послѣдовательнымъ при-соединеніемъ конечныхъ частей. Значитъ, если бы у міра не было начала, то не могъ бы настать и настоящій моментъ. А т. к. онъ насталь и—на лицо, то, значитъ, было и начало.—Отсюда слѣдуетъ и конечность міра въ отношеніи къ пространству. Вѣдь, предполагая міръ без-конечнымъ, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ существованіе границъ его. Но величину количества, границы котораго намъ не даны, мы можемъ мыслить лишь посредствомъ синтеза отдѣльныхъ его частей. Синтезъ же безконечнаго протяженія невозможенъ въ конечномъ времени. Значитъ, величина безконечнаго міра никогда не можетъ быть данной намъ и, значитъ, міръ заключенъ въ конечныя границы.

Доказательство антитезиса, т. е. того, что міръ безконеченъ въ пространствѣ и времени, заключается въ предположеніи его конечности,—что ведетъ къ нелѣпости. Въ самомъ дѣлѣ, тогда внѣ времени и пространствѣ, занятыхъ міромъ, находятся пустыя время и пространство и, стало быть, находящіяся въ извѣстномъ отношеніи къ началу и къ границѣ міра. Однако, это невозможно. Одна часть времени ничѣмъ не преимуществуетъ предъ другою, чтобы можно было приписать начало міра именно этой части. И невозможно отношеніе міра,—т. е. вещи,—къ тому, что не есть вещь,—къ пространству. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы стали утверждать возможность такого отношенія, то явился бы вопросъ: но чѣмъ же данная часть пространства, примыкающая къ міру, отличается отъ всякой другой? какъ различить ее отъ всякой иной? Отсюда слѣдуетъ, что протяженіе міра въ пространствѣ, равно какъ и во времени,—безпредѣльно.

Вторая антиномія говоритъ о содержаніи міра.

„Всякая сложная субстанція въ мірѣ состоитъ изъ простыхъ частей и вообще существуетъ только простое и то, что сложено изъ простого“, гласитъ тезисъ.

„Ни одна сложная вещь въ мірѣ не состоитъ изъ простыхъ частей, и вообще въ мірѣ нѣтъ ничего простого“, гласитъ антитезисъ.

Опять, для доказательства тезиса предполагаемъ истинность антитезиса, т. е. предположимъ, что въ мірѣ нѣтъ никакихъ простыхъ частей. Значитъ, тогда остается одно только сложное, и, при мысленномъ удаленіи изъ него всего сложена, мы получаемъ чистое отрицаніе бытія,—нуль. Значитъ, либо сложена нельзя мысленно удалить, либо должно, по его удаленіи, остаться нѣчто простое. Въ послѣднемъ случаѣ тезисъ доказанъ; а въ первомъ выходило бы, что сложное не состоитъ изъ субстанцій (ибо сложность для субстанціи есть лишь случайное отношеніе и, какъ таковое, можетъ быть абстрагировано, и, слѣдовательно, само не есть субстанція, что противорѣчитъ условію тезиса.

Для доказательства антитезиса предполагаемъ тезисъ, т. е. допускаемъ, что сложная вещь состоитъ изъ простыхъ частей. Но т. к. всякое сложеніе возможно лишь въ пространствѣ, то, значитъ, пространство, занимаемое сложною вещью, состоитъ изъ столькихъ же пространствъ, изъ

сколькихъ простыхъ частей—вещь. А т. к. части пространства сами суть пространства, то, значить, простыя части вещи сами занимаютъ пространство. Значить, простое занимаетъ пространство. Но все, находящееся въ пространствѣ, имѣетъ многообразіе частей внѣ другъ друга и, какъ реальная сложность,—частей субстанціальныхъ. Получается, что нѣчто простое—сложно, а это—противорѣчиво. Итакъ, сложная вещь не состоитъ изъ простыхъ частей. Но и внѣ сложныхъ вещей въ мірѣ нѣтъ ничего простого. Это видно изъ того, что если бы было въ мірѣ что-нибудь простое, то оно могло бы сдѣлаться объектомъ опыта и, какъ таковое, имѣло бы послѣдовательность состояній во времени и внѣ-положность частей въ пространствѣ. А, слѣдовательно, такой объектъ опыта не былъ бы простымъ.

Третья антиномія касается порядка міра,—разбираетъ вопросъ о конечности и безконечности причиной цѣпи явленій. Тезисъ ея гласить: „Причинность согласно законамъ природы есть не единственная причинность, изъ которой могутъ быть выведены всѣ явленія въ мірѣ. Для объясненія явленій необходимо еще допустить свободную причинность (причинность чрезъ свободу)“.

Ему противу-стоитъ антитезисъ: „Не существуетъ никакой свободы, но все совершается въ мірѣ только согласно законамъ природы“. И тутъ доказательство тезиса, какъ и антитезиса, ведется отъ противнаго. Допустимъ противоположное тезису, т. е. пусть существуетъ причинность только по законамъ природы. Тогда все, что случается, предполагаетъ причину,—предшествующее состояніе міра. Но и это послѣднее само должно быть чѣмъ-то случившимся, ибо въ противномъ случаѣ оно существовало бы всегда и, слѣдовательно, существовало всегда его слѣдствіе, такъ что значить, это слѣдствіе не было бы возникшимъ во времени. А разъ причина даннаго явленія возникла во времени, то и сама она должна имѣть причину и т. д. *ad indefinitum*. Чтò же получается?—Получается, что нисходящій рядъ условій даннаго явленія не есть что-нибудь данное и опредѣленное и, значить, у даннаго явленія нѣтъ опредѣленной причины. Утвержденіе безысключительнаго господства закона причинности ведетъ къ полному отрицанію этого закона. Отсюда слѣдуетъ, что необходимо допустить такую причинность, въ которой!

причина сама уже не обусловлена предшествующимъ состояніемъ, т. е. абсолютную само-произвольность причинъ, способность ихъ самостоятельно зачинать рядъ явленій, далѣе развивающійся согласно природной причинности. Такая конечная причинность и есть трансцендентальная свобода.

При доказательствѣ антитезиса, Кантъ допускаетъ правильность тезиса. Пусть существуетъ свобода, какъ особый видъ причинности. Тогда, первая причина сама опредѣляетъ себя къ произведенію причиннаго ряда, и, значитъ, ея бытіе подраздѣляется на два состоянія, изъ которыхъ въ первомъ—не было этого ряда, а во второмъ—онъ явился. Но т. к. опредѣленіе себя къ причинности—свободно (—иначе и перво-причина не была бы свободною—), то послѣдующее состояніе никакъ не связано съ предыдущимъ, чего не можетъ быть, ибо Кантъ доказалъ ранѣе, что всякое *post hoc* опредѣляется посредствомъ *propter hoc*. Значитъ, нѣтъ свободы, нѣтъ ничего, кромѣ природной причинности; самое понятіе природы уже включаетъ въ себя признаніе полнаго господства причинности.

Наконецъ, *четвертая антиномія* касается существованія міра.

Тезисъ ея гласитъ: „Къ міру принадлежитъ, или какъ часть его, или какъ его причина, безусловно-необходимое существо“.

Антитезисъ же, наоборотъ, утверждаетъ, что „нѣтъ никакого абсолютно-необходимаго существа ни въ мірѣ, ни внѣ міра, какъ его причины“.

Эта антиномія явно выступаетъ изъ ряда прочихъ. Во первыхъ, въ ней тезисъ и антитезисъ доказываются изъ одного и того же положенія, тогда какъ въ предыдущихъ антиноміяхъ они доказывались изъ положеній разныхъ.

Во вторыхъ, доказательство тезиса ведется тутъ прямо, а именно—такъ: Чувственный міръ есть міръ измѣнячивый. Но измѣненіе—всегда обусловленное, обусловленное же предполагаетъ полный рядъ условій, восходящій до абсолютно-безусловнаго, которое существуетъ абсолютно-необходимо. Итакъ, существо абсолютно-необходимое существуетъ. Далѣе Кантъ доказываетъ отъ противнаго, что оно принадлежитъ къ чувственному міру. Въ самомъ дѣлѣ: то необходимое существо есть начало міра; а начало явленія опредѣляется какъ то,

что предшествуетъ явленію во времени. Значить, если бы необходимое существо было внѣ-мірнымъ, то оно, будучи и внѣ-временнымъ, не могло бы быть началомъ міра.

Антитезисъ доказывается отъ противнаго. Допустимъ, что ёсть необходимое существо,—или въ мірѣ, или внѣ міра. Если оно—въ мірѣ, то оно—или часть міра, или цѣлый міръ. Какъ часть міра оно должно быть началомъ міра и, при томъ, безусловнымъ; а безусловнаго начала быть не можетъ, потому что „безусловное“—значить: „не имѣющее предшествующей причины“, а „начало“—значить „нѣкоторый моментъ“ и, какъ таковой,—имѣющее предшествующій моментъ. Но все то, что не имѣетъ предшествующей причины, не имѣетъ и предшествующаго момента, а потому не можетъ быть началомъ. Съ другой стороны, существо необходимое не можетъ быть и цѣлымъ безначальнымъ міромъ, потому что міръ состоитъ изъ безконечнаго ряда измѣненій, т. е. членовъ условныхъ, а сумма таковыхъ не дастъ существа необходимаго. Итакъ, существа необходимаго нѣтъ въ мірѣ. Остается другая возможность, а именно, что это существо внѣ міра. Но и этого не можетъ быть, потому что оно должно быть причиною міроваго ряда, а причина начинается обусловленный ею рядъ и находится, слѣдовательно, во времени. Значить, необходимое существо должно было бы находиться не внѣ міра, а въ мірѣ,—невозможность чего доказана уже. Итакъ, его нѣтъ ни въ мірѣ, ни внѣ міра, т. е.—нѣтъ вообще.

Изложивъ доказательства своихъ антиномій, Кантъ даетъ разрѣшеніе этой тяжбы разума съ самимъ собою. Недостатокъ времени не позволяетъ обозрѣть Кантовскаго разрѣшенія. Ограничусь лишь нѣсколькими словами.

Положительное разрѣшеніе антиномій могло бы быть лишь догматическимъ. Надо было бы дождаться того времени, когда явилось бы опытное познаніе міра, какъ цѣлаго, и посмотреть, какъ онъ: а именно, удовлетворяетъ ли міръ тезисамъ, или же соотвѣтствуетъ антитезисамъ. Но такого познанія быть не можетъ, ибо безконечность всегда задана намъ, но никогда не дана. Остается разрѣшеніе отрицательное, и оно можетъ быть либо скептическимъ, либо критическимъ. Скептическое рѣшеніе опирается на самую налич-

ность контрадикторныхъ и равно-убѣдительныхъ положеній. Изъ того обстоятельства, что идея міра слишкомъ широка для міра, соответствующаго тезисамъ, и слишкомъ узка для міра, соответствующаго антитезисамъ, скептическое рѣшеніе заключаетъ, что вообще объектъ (т. е. міръ) не соответствуетъ идеѣ разсудка и потому онъ—вовсе не есть объектъ, а, слѣдовательно, и сужденія о немъ вовсе не суть сужденія. Такимъ образомъ, скептикъ смотритъ на конечныя точки антитетики чистаго разума и вовсе не обращаетъ вниманія на тѣ пути, посредствомъ которыхъ получены контрадикторныя сужденія. Не таковъ критикъ. Онъ изслѣдуетъ самый путь и старается вскрыть, что именно повело разумъ къ само-противорѣчіямъ. Оказывается, что *πρότων ψεύδος* всей рациональной космологіи можетъ быть обнаруженъ въ слѣдующемъ умозаключеніи, на которомъ основываются всѣ положенія антиномій (предварительно мы уже разсматривали это умозаключеніе):

„Если дано обусловленное бытіе, то данъ и рядъ всѣхъ его условій, слѣдовательно дано и безусловное; обусловленное дано, а, слѣдовательно, дана и совокупность его условій, т. е. вселенная“.

Какъ въ тезисахъ, такъ и въ антитезисахъ принимается пред-посылка, что міръ, какъ цѣлое, данъ намъ и что поэтому, какъ данный, онъ—познаваемъ. Но это-то и не вѣрно, потому что вышеприведенное умозаключеніе паралогистично.

„Если дано обусловленное бытіе, то данъ и рядъ всѣхъ его условій“—означаетъ, что обусловленное дано въ понятіи, интеллигибельно и что рядъ условій данъ въ понятіи. Но далѣе говорится, что „обусловленное дано“,—дано какъ явленіе, какъ предметъ опыта. Если принять во вниманіе это различеніе, то рушится вся космологія.

Такимъ образомъ, въ основѣ Кантоваго рѣшенія антиномій лежитъ трансцендентальный идеализмъ, различающій явленія и вещи въ себѣ. И наоборотъ, если принять антиноміи, то онѣ доказываютъ необходимость трансцендентальнаго идеализма, т. е. косвенно подтверждаютъ ученіе объ идеальности времени и пространства. Слѣдовательно, если скептическое рѣшеніе голословно отказывало разуму въ правѣ заниматься космологіей, не входя въ мотивировку своего прещенія, то рѣшеніе критическое на дѣлѣ указыва-

еть ошибку въ аргументаціи космологовъ, и, притомъ, такую ошибку, которая будетъ всегда повторяться неизбѣжно.

Т. к. міръ, какъ вещь въ себѣ, не находится ни въ пространствѣ, ни во времени, то и тезисы и антитезисы первыхъ двухъ антиномій просто отпадаютъ. „Міръ“ и „величина“, „міръ“ и „содержаніе“ никакъ не соединимы между собою, равно какъ не соединимы понятія: „кругъ“ и „четыре-угольный“. Но иначе обстоитъ дѣло съ двумя послѣдними антиноміями. Тутъ возможно удержать какъ тезисы, такъ и антитезисы, но только проводя разграниченіе между міромъ явленій и міромъ вещей въ себѣ. Безконечная причинность и отсутствіе необходимаго существа относится къ міру явленій; напротивъ, свобода и существо необходимое—къ міру вещей въ себѣ. И со-существованіе этихъ двухъ разно-законныхъ міровъ вполне возможно именно волѣдствіе того, что они разнородны. Тезисъ же и антитезисъ первыхъ двухъ антиномій несовмѣстимы именно потому, что относятся къ одному и тому же міру,—къ міру пространственно-временному, къ міру явленій.

Таково, вкратцѣ, Кантово ученіе объ антиноміяхъ чистаго разума. Но, изложивъ „что?“ этого ученія, мы естественно задаемъ себѣ вопросъ о его „изъ чего?“ и „какъ?“ Другими словами, изъ како́го, исторически даннаго, матеріала сформировалось это ученіе? И еще: въ силу какихъ особенностей своей организаціи Творецъ Критики могъ создать его? Эти весьма важные вопросы доселѣ не получили, къ сожалѣнію, точнаго отвѣта ¹⁾. Въ сущности, не смотря на не-

¹⁾ Настоящая лекція была написана до моего знакомства съ впервые изслѣдующей вопросъ о происхожденіи Кантовыхъ антиномій брошюрою Л. Робинсона „Историко-философскіе этюды“, Вып. первый, СПб., 1908. По мнѣнію названнаго автора, Кантъ заимствовалъ свое ученіе объ антиноміяхъ изъ произведенія Артура Кольтера „Clavis universalis or a new inquiry after truth, being a demonstration of the non-existence or impossibility of a external world“, 1713, переведеннаго на нѣмецкій языкъ Эшенбахомъ и издавнаго въ Ростокѣ вмѣстѣ съ „Диалогами“ Беркли подъ заглавіемъ: „Sammlung der vornehmstem Schriftsteller, die Wirklichkeit ihres eignen Körpers und der ganzen Körperwelt leugnen. Enthaltend Berkeleys Gespräche zwischen Hylas und Philonus und des Colliers Allgemeinen Schlüssel. Uebersetz und mit widerlegenden Anmerkungen versehen nebst einem Anhang worin die Wirklichkeit der Körper erwiesen wird von Joh. Christ. Eschenbach“.

переслываемое море Кантовской литературы, въ которомъ уже погибъ Файгингеръ, мы не знаемъ исторіи Критики Чистаго Разума. Что же касается до частнаго вопроса, о происхожденіи ученія объ антиноміяхъ, то мы знаемъ тутъ и того менѣе. „Возникновеніе ученія объ антиноміяхъ,—говорить Фр. Паульсенъ—, представляетъ трудную проблему, которая врядъ ли когда-нибудь будетъ рѣшена вполне“. Но и тѣмъ немногимъ, что можно было бы сказать въ этой области, я не смѣю утруждать Вашего вниманія. За недостаткомъ времени буду по возможности схематиченъ.

Кто ни слыхиваль о знаменитомъ спорѣ между Ньютономъ и Лейбницемъ,—этими верховными представителями культуры XVII в.? И,—Вы знаете, конечно—, начало этому прискорбному спору положила борьба за первенство въ открытіи дифференціального исчисленія. Но едва ли для всѣхъ столь же извѣстно, что споръ этотъ,—на первый взглядъ кажущійся пожаромъ разгорѣвшихся ученыхъ самолюбій—, что онъ имѣлъ весьма глубокой смыслъ и былъ столкновеніемъ двухъ противоположныхъ способовъ мышленія, отчасти, быть можетъ, привязанныхъ къ особенностямъ англо-саксонской и нѣмецкой народностей.

Но если, кромѣ того, Вы вникните, что въ словахъ: „Инфинитезимальное исчисленіе“ (т. е. исчисленіе безконечныхъ) суммируется все много-образіе основныхъ идей, прибрѣтенныхъ отъ Лейбница и Ньютона до 2-ой половины XIX в., то легко понять, съ какою силою огненная стихія бушевала въ этомъ, будто случайномъ и вѣншемъ, спорѣ.

Сущность его можетъ быть выражена коротко въ раздѣлительномъ вопросѣ: „Дифференціальъ или производная?“. Но, повторяю, споръ таилъ въ себѣ болѣе глубинное разногласіе,—по вопросу о сущности пространства и времени, о пониманіи міра вообще. Эта подводная, такъ сказать, борьба не замедлила обнаружиться, когда Лейбницъ попалъ на ученика Ньютоновскаго,—на Клэрка. По возрѣнію Нѣмецкаго Метафизика, пространство и время, а, слѣдовательно, и все чувственное, есть лишь слѣдствіе того, что подлинно есть,—вещей метафизическихъ; они—послѣ вещей, въ нихъ. Вещи—условіе пространства и времени. Напротивъ, по разумѣнію Англійскаго Натур-философа, защищаемому Клэркомъ, пространство и время суть условія того, что подлинно есть,—

вещей эмпирическихъ; они—прежде вещей, и вещи—въ нихъ. Пространство не есть лишь свойство смутно воспринимаемаго метафизическаго міра; нѣтъ, оно—*sensorium Dei*, чувствовалище Божіе. И потому, дифференціалы для лейбниціанства были истинно-сущими элементами и вещей, сами уже, если угодно, сверх-чувственными, тогда какъ для ньютоніанства они были лишь фикціей, позволяющей косвенно связать одну величину въ пространствѣ съ другою и, стало быть, входящими лишь въ отношеніи,—въ видѣ производной. Рационализмъ съ метафизикою шли подъ флагомъ дифференціаловъ; эмпиризмъ съ феноменизмомъ—подъ флагомъ производныхъ.—Далѣе, это разногласіе еще обострилось, когда школа нѣмецкая (Вольфъ и Мейеръ) и школа англійская (Локкъ и Юмъ) стилизовали воззрѣнія своихъ родоначальниковъ. Мысль XVIII в. кончала величайшимъ расколомъ.

Шотландецъ по крови, германецъ по родинѣ, Кантъ самымъ своимъ рожденіемъ оказался пред-расположеннымъ пріять въ себя этотъ расколъ мысли, эти противоборствующие идейныя начала. Но, кромѣ такой,—психо-физической—, двойственности его организаціи, непримиримость двухъ теченій уже сызмлада утвердилась въ немъ подъ двойственнымъ вліяніемъ всего воспитанія. Піэтистическая атмосфера семьи и естественно-научные интересы въ юности; затѣмъ университетское образованіе подъ сталкивающимися воздѣйствіями волфіанца Мартина Кнутцена и ньютонанца Теске; затѣмъ, необходимость совмѣстнаго изученія (для лекцій) метафизики и естествознанія; наконецъ, личный интересъ, заставившій Канта глубоко проникнуться основными тенденціями той и другою,—до претворенія изучаемыхъ идей въ часть собственной организаціи. И отсюда уже не трудно догадаться, что столкновение піэтизма и естественныхъ наукъ въ сознаніи Канта породило двѣ послѣднія, динамическія антиноміи, тогда какъ столкновение метафизики и натур-философіи—двѣ первыя, математическія.

Дальнѣйшее теченіе Кантовой жизни всегда проходитъ одно русло,—русло стѣсненное этими двумя берегами. То бросаясь отъ волфіанства къ ньютоніанству, или наоборотъ, то, силясь сочетать ихъ во-едино, то снова отчаиваясь въ возможности успѣха, Кантъ никакъ не можетъ подняться

надъ ними, никакъ не можетъ оставить стѣсняющіе его берега и прорыться глубже, въ религіозную мистику. Антиноміи—это сложеніе оружія Кантомъ. Обезсиленный внутреннею борьбою, онъ примиряется, наконецъ, съ со-существованіемъ двухъ противорѣчащихъ ученій и дѣлаетъ изъ признанія въ своемъ безсиліи особый отдѣлъ Критики Чистаго Разума.

Для пониманія исторіи этого отдѣла чрезвычайно важна небольшая, но весьма содержательная (и, къ удивленію,— мало извѣстная!) диссертация Канта, ходящая подъ названіемъ „Физической Монадологіи“. Вотъ что читаемъ мы въ этой диссертациі:

„Какимъ же образомъ, наконецъ,—воскликаетъ Кёнигсбергскій Мудрецъ въ „предварительныхъ замѣчаніяхъ“ диссертациі—, какимъ же образомъ, наконецъ, можно связать метафизику съ геометрией въ этомъ дѣлѣ [т. е. въ вопросѣ о строеніи матеріи], когда грифовъ запрячь вмѣстѣ съ конями, кажется, легче, чѣмъ трансцендентальную философію сочетать съ геометрией! Въ то время какъ первая [т. е. метафизика] упорно отрицаетъ, что пространство дѣлимо до безконечности, вторая, [т. е. геометрія] защищаетъ это тою же достовѣрностью, какою имѣетъ привычку оберегать остальное. Первая настаиваетъ, что пустое пространство необходимо для свободныхъ движеній,—вторая его рѣшительно изгоняетъ. Первая вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что притяженіе или всеобщее тяготѣніе едвали объяснимо механическими причинами, но что оно имѣетъ начало въ силахъ, присущихъ тѣламъ въ покоѣ и дѣйствующихъ на разстояніи (in distans), вторая же всякое дѣйствіе на разстояніи относитъ къ пустымъ обманамъ воображенія“.

Таковы недоумѣнія Канта. Вовсе нѣтъ надобности имѣть глубокія познанія въ развитіи европейской мысли, чтобы понять, въ чѣмъ тутъ дѣло: это—Лейбницъ столкнулся съ Ньютономъ. Кантъ уже видитъ, что соединить ихъ труднѣе, нежели „впрячь грифовъ вмѣстѣ съ конями“. Но все же онъ надѣется на возможность рѣшить эту трудную задачу. „Хотя ясно, — продолжаетъ онъ—, что не малаго труда стоитъ привести въ порядокъ эти противоположныя мнѣнія, но я рѣшился сколько-нибудь поработать на него. Если бы другіе, силы которыхъ болѣе соотвѣтствуютъ та-

кому предпріятію, взялись за это дѣло, то я былъ бы удовлетворенъ уже тѣмъ, что привелъ къ нему ихъ вниманіе“.

Таково взаимное отношеніе нѣкоторыхъ Лейбницевскихъ и Ньютоновскихъ идей въ сознаніи Канта. Какъ видите, въ 1756 году (дата „Физической Монадологіи“) онъ еще надѣялся примирить ихъ логически, хотя несомнѣнно и то, что уже тогда онъ достаточно остро воспринималъ ихъ противоборство.

Не считая себя въ правѣ задерживать Васъ обзоромъ дальнѣйшихъ моментовъ этой трагедіи ума, гдѣ героями выступаютъ идеи, а сценою служить сознаніе, обращаюсь прямо къ конечному результату борьбы идей. Несовмѣстимость ихъ для Канта выступала на свѣтъ все болѣе и болѣе ясно; все рѣзче и рѣзче врѣзались въ духовный обликъ Канта противорѣчивыя линіи его прирожденнаго и воспитаннаго характера. Логическая неизбежность той и другой струи дѣлалась все очевиднѣе, и, наконецъ, Вы видите въ „Критикѣ Чистаго Разума“ послѣдній эпизодъ борьбы. Оба противника лежатъ обезсиленные и замогильными голосами переговариваются о размежеваніи границъ. Прошло 25 лѣтъ со времени написанія „Монадологіи“. И непримиримость идей, которая въ дни молодости вызывала сомнѣнія въ Философіи,—была даже причиною интеллектуальныхъ терзаній,—эта самая непримиримость оказалась теперь доводомъ въ пользу трансцендентальнаго идеализма. И если ранѣе Кантъ тяготѣлъ къ тому, чтобы засыпать пропасть между Лейбницемъ и Ньютономъ, то теперь всѣ усилія его направились къ углубленію противорѣчія между ними. Если ранѣе Канту хотѣлось примирить ихъ, то теперь онъ всячески старается сдѣлать ссору окончательной. Она нужна ему въ видахъ системы и, притомъ, именно въ той формѣ, какъ онъ ее излагаетъ. Впрочемъ, Кантъ не думаетъ дѣлать тайны изъ своихъ видовъ на обостренную имъ же ссору Лейбница и Ньютона. Онъ самъ напираетъ на то, что противорѣчіе это—косвенное доказательство идеальной природы пространства и времени. Мало того, онъ даже придаетъ ему значеніе *experimentum crucis* (—перекрестнаго опыта). Вотъ почему, въ силу этихъ расчетовъ Канта на антиноміи, уже загодя можно предположить, что построеніе антиномій отличается не только искусствомъ, съ которымъ онъ приспособлены къ Критикѣ, но и искус-

ственною, а доказательство ихъ—произволомъ и кажу-щеюся строгостью:—вѣдь всегда у философа есть искуше-ніе перегрузить опору системы. Это и постараюсь теперь показать я, хотя, за недостаткомъ времени, буду обращаться преимущественно къ первымъ, математическимъ антиноміямъ. Однако, сперва позволю себѣ высказать догадку, что ближай-шимъ образомъ натолкнуло Канта на введеніе антиноміи.

Вы навѣрное замѣтили, что рѣшеніе критическаго вопроса о возможности метафизики Кантъ много-кратно сравниваетъ съ тягбюю, гдѣ и истцомъ и отвѣтчикомъ и судіею является разумъ же. Но что, въ такомъ случаѣ,—законъ?—Это—нормы самого же разума. Каково же взаимно-отношеніе этихъ законовъ разума?—Кантъ внимательно изучалъ право и ему, конечно, хорошо была извѣстна возможность такого случая (напри-мѣръ изъ Пандектъ), гдѣ законъ вступаетъ въ коллизію съ самимъ собою и образуетъ,—технически выражаясь—, *statum contrariarum legum*. Случай этотъ предусмотрѣвъ законода-тельствомъ Юстиніана. Я прошу Васъ обратить особенное вниманіе, что на языкѣ юристовъ это противорѣчіе закона са-мому себѣ носить названіе антиноміи. (см. напримѣръ *Cod. Just. I. XVII, § 8*). Для меня несомнѣнно, что именно отсюда, изъ области права, заимствовалъ Кантъ и понятіе и тер-минъ для разбираемаго въ настоящемъ чтеніи вопроса. Вообще, думается мнѣ, правомъ надо было бы заняться, чтобы уяснить доселѣ темное рожденіе „Критики чистаго разума“. Вѣдь не спроста же Кантъ неизмѣнно твердить намъ, что онъ ведетъ процесъ разума, не спроста примѣ-няетъ такъ часто юридическія понятія и термины.

Обращаюсь теперь къ разбору антиноміи. Первый вопросъ при этомъ—о самомъ распредѣленіи антиноміи, о ихъ фор-мулировкѣ.

Въ началѣ этого чтенія мы уже имѣли случай убѣдиться, что образцовый порядокъ и симметрія Кантовскаго ученія объ антиноміяхъ купленъ довольно дорогою цѣною,—натяну-тымъ и искусственнымъ выведеніемъ антиноміи изъ безъ того уже искусственныхъ подраздѣленій формальной логики. Весьма естественно поэтому, что прокрустово ложе категоріи заставило Канта уложить свои антиноміи весьма не свободно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ четырехъ антиноміяхъ рассматри-

ваются одинъ за другимъ такіе вопросы: 1^о, временно-пространственная конечность или бесконечность міра; 2^о, конечная или бесконечная дѣлимость матеріи; 3^о, конечная или бесконечная причинность явленіи; 4^о, существованіе или несуществованіе просто-необходимаго существа, какъ причины міра.

Въ то время какъ три первыя антиноміи рѣшаютъ дилемму: „конечность или бесконечность“, послѣдняя внезапно вводитъ чисто онтологическое понятіе „просто-необходимаго существа“. Если разумѣть это Существо космологически, то четвертая антиномія повторяетъ третью антиномію о конечной и бесконечной причинности, и тогда нѣ для чего выдѣлять ее въ самостоятельную. Если же разумѣть это Существо въ собственномъ смыслѣ онтологически, то тогда четвертой антиноміи — не мѣсто въ космологіи. Кантъ ввелъ эту антиномію ради симметріи; но ради симметріи же онъ выпустилъ вовсе или слилъ во-едино нѣчто существенное.

Прежде всего, въ первой антиноміи почему-то соединены два вопроса,— о бесконечности міра въ пространствѣ и о бесконечности его во времени. Вопросы эти—разные,—и различность ихъ видна хотя бы изъ того, что Кантъ даетъ имъ отдѣльныя доказательства. Въ такомъ объединеніи этихъ вопросовъ сказывается историческое вліяніе Ньютона, рассматривавшаго пространство и время параллельно другъ другу. Отъ него-то подобную привычку давно уже усвоилъ себѣ Кантъ, но—не совсѣмъ послѣдовательно, потому что, по его собственнымъ возрѣніямъ, пространство и время не вполне равно-правны. Вѣдь время служитъ источникомъ схемъ,—этихъ посредниковъ между чувственностью и разумомъ, а пространства—нѣтъ. Но и помимо того, бесконечность пространства—вовсе не то же, что бесконечность времени. Первая есть данная актуальная бесконечность по всѣмъ направленіямъ. Вторая же—данная бесконечность въ прошедшемъ и лишь возможная, потенціальная — въ будущемъ.

Поэтому необходимо отдѣлить вопросъ о бесконечности міра въ пространствѣ отъ вопроса о бесконечности его во времени. Но,—мало того. Прекрасно зная, что протяженное въ пространствѣ и матерія—вовсе не одно и то же (не забывайте, что Кантъ со всею рѣшительностью отвергъ кар-

тезіанское ученіе о тождествѣ матеріи и протяженія),—зная, что количество матеріи характеризуется не величиною протяженія ея, а массою, Кантъ, тѣмъ не менѣе, говоритъ въ антиноміяхъ о пространственной протяженности міра такимъ тономъ, какъ если бы рѣшеніе вопроса о ней исчерпывало всѣ возможности въ способъ міро-пониманія. А что это, дѣйствительно, неправильно, видно хотя бы изъ слѣдующаго: конеченъ или безконеченъ міръ по своему протяженію, все равно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ можетъ быть какъ конечнымъ, такъ и безконечнымъ по своей массѣ,—т. е. по количеству матеріи (я принимаю здѣсь для простоты Ньютоновско-Кантоновское, механическое понятіе матеріи, а не современное, электрическое, при которомъ дѣло еще болѣе осложняется). Все дѣло—въ томъ законѣ, по которому распредѣлена матерія въ пространствѣ, или, иначе говоря, отъ плотности матеріи, какъ функціи координатъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ отношеніи массы міра ставятся два вопроса: 1^о, возможно ли безконечно-продолженное, прогрессивно идущее сложеніе ея или нѣтъ? и 2^о, возможно ли безконечно-отступающее, регрессивно идущее вычитаніе изъ нея: Такъ—въ отношеніи къ тому, что связываетъ явленія въ пространствѣ,—къ матеріи. И точно такіе же два вопроса ставятся въ отношеніи къ тому, что связываетъ явленіе во времени,—къ причинности. А именно: 1^о, возможно ли безконечно-продолженное, прогрессивное движеніе причинности? 2^о, возможно ли безконечно-отступающее, регрессивное движеніе причинности?

1) Пусть M —масса міра, $\rho(x, y, z)$ —плотность матеріи въ точкѣ (x, y, z) а, a' , b , b' , c , c' —предѣлы интеграціи, соответствующіе крайнимъ точкамъ міра. Тогда

$$M = \int_a^{a'} \int_b^{b'} \int_c^{c'} \rho(x, y, z) dx dy dz.$$

Если примемъ ρ за функцію точки A , то, обозначая радіусъ r каждой изъ сферъ, на которой $\rho = \text{const.}$, и считая міръ безконечнымъ по протяженію, имѣемъ

$$M' = \int_0^{\infty} 4\pi r^2 \rho(r) dr$$

Однако M и M' могутъ быть и конечны, и безконечны при всякихъ предѣлахъ интеграціи a, a', b, b', c, c' ,—какъ конечныхъ, такъ и безконечно—большихъ величина; ихъ опредѣляется видомъ функціи $\rho(x, y, z)$ или $\rho(r)$.

Но и эти два вопроса могутъ получать тотъ и другой отвѣтъ совершенно независимо отъ того, безконеченъ ли, или конеченъ міръ во времени. Такъ, міръ можетъ быть сотворенъ 7000 лѣтъ тому назадъ, и, все же, возможно такое положеніе дѣла, что, регрессивно отступая отъ слѣдствія къ его причинѣ, мы никогда не достигнемъ начала, ибо причинныхъ звеньевъ въ тѣхъ 7-ми тысячахъ лѣтъ помѣшается безконечное множество, и, чѣмъ ближе мы подходимъ къ началу міра, тѣмъ быстрѣе совершается переходъ отъ причины къ слѣдствію. Міръ, конечный въ своемъ прошедшемъ будетъ казаться естество-испытателю безконечнымъ, ибо естество-испытатель не умѣетъ опредѣлять продолжительности во времени иначе, какъ чрезъ счетъ причинныхъ звеньевъ въ этой цѣпи причинности. То же—и относительно будущаго. Такимъ образомъ,—математически выражаясь—, динамическія антиноміи въ отношеніи къ пространству будутъ рѣшать: 1°, имѣетъ ли міровой интеграль по массѣ конечную или безконечную величину? 2°, имѣетъ ли дифференціалъ массы конечную или безконечно-малую величину. Впрочемъ, вся формулировка, данная мною, есть формулировка далеко не вполне расчлененная. Но т. к. для болѣе тонкихъ и весьма существенныхъ деталей необходимо было бы излагать много чисто-математическихъ понятій и теоремъ, и, въ частности, рѣшать вопросъ объ актуально безконечно-малыхъ, —ибо мыслимо и то, что существуютъ атомы міра, но атомы безконечно-малые—, то я полагаю достаточнымъ и найденное грубое приближеніе къ научной постановки вопроса о математическихъ антиноміяхъ.

Я позволю себѣ болѣе наглядно уяснить сказанное ранѣе о массѣ міра въ цѣломъ и въ элементахъ на слѣдующемъ геометрическомъ образѣ. Замѣчу предварительно, что аналогичный (хотя уже и символическій) образъ можно дать и для причинности, прогрессивной и регрессивной. Поэтому ограничиваюсь вопросомъ о массѣ.

Возьмемъ въ мірѣ нѣкоторую точку A и замкнутою поверхностью S выдѣлимъ около этой точки A нѣкоторый объемъ V . Пусть M будетъ масса содержащейся въ V матеріи. Станемъ теперь выдѣлять около A все новые и новые объемы $V_1, V_2, V_3, V_4...$ посредствомъ послѣдовательно охватывающихъ другъ друга замкнутыхъ поверхностей $S_1, S_2,$

S_3, S_4, \dots , и пусть эти поверхности приближаются къ границѣ міра Σ , если таковая существуетъ и пусть онѣ имѣютъ ее своимъ предѣломъ; или же пусть возрастаютъ безпредѣльно, если міръ безграниченъ по протяженію въ пространствѣ. Тогда у насъ получится возрастающій рядъ массъ внутри нихъ:

$$M_1 < M_2 < M_3 < M_4 < \dots$$

О нихъ можно сдѣлать двоякое предположеніе. Или группа чиселъ

$$M, M_1, M_2, M_3, M_4, \dots,$$

какъ говорятъ, сходится и имѣетъ конечный предѣлъ M , который и называемъ массою міра; или же группа эта не сходится и не имѣетъ никакого предѣла, превышая всякую данную величину. Тогда мы говоримъ, что міръ—безконеченъ по массѣ. Первая антиномія заключается въ томъ, что, яко бы, о группѣ M, M_1, M_2, M_3, \dots можно одинаково строго доказать, что она и сходится и расходится.

Теперь не трудно подобнымъ же разсужденіемъ построить и схему второй антиноміи.

Пойдемъ обратнымъ порядкомъ и станемъ выдѣлять послѣдовательно-убывающіе объемы

$$V^i, V^{ii}, V^{iii}, V^{iv}, V^v, \dots$$

посредствомъ послѣдовательно—стягивающихся около A поверхностей $S^i, S^{ii}, S^{iii}, S^{iv}, S^v, \dots$, расположенныхъ внутри поверхности S . Тогда мы получимъ убывающій рядъ массъ, заключенныхъ внутри этихъ поверхностей а именно:

$$M^i > M^{ii} > M^{iii} > M^{iv} > M^v, \dots$$

Рядъ этотъ, вообще говоря, можетъ и расходиться. Но, если откинуть этотъ случай, то останутся двѣ возможности: либо онъ сходится, имѣя всѣ члены, начиная отъ нѣкотораго: или нули, или одинаковыя числа, отличныя отъ нуля,—въ зависимости отъ выбора точки A , и тогда міръ, значить, состоитъ изъ недѣлимыхъ далѣе элементовъ, монадъ, атомовъ и т. д., между которыми находится пустота. Либо же этотъ рядъ сходится, всегда имѣя предѣломъ нуль. Тогда, значить, матерія сплошна, и не имѣетъ послѣднихъ, далѣе не дѣлимыхъ элементовъ. Кантъ утверждаетъ, что можно одинаково доказать, будто эта группа и всегда имѣетъ предѣломъ нуль (непрерывность матеріи), и иногда имѣетъ предѣломъ число, отличное отъ нуля (атомистическое строеніе матеріи).

Итакъ, получается таблица шести антиномій, которая дважды подраздѣляется: во-первыхъ,—на антиноміи математическія, касающіяся протяженія міра въ пространствѣ и во времени, и антиноміи динамическія, касающіяся пребывающаго въ пространствѣ и времени, разсматриваемаго прогрессивно и регрессивно; во-вторыхъ—на антиноміи касающіяся пространственной характеристики міра, и антиноміи, касающіяся временной характеристики міра.

Можно представить всѣ антиноміи на слѣдующей таблицѣ ¹⁾:

		Математическія антиноміи.	Динамическія антиноміи.		
			<i>Прогрессивное разсмотрѣніе.</i>	<i>Регрессивное разсмотрѣніе.</i>	
Пространство.	}	1. Міръ въ пространствѣ протяженъ конечно или бесконечно.	3. Міръ по массѣ конеченъ или бесконеченъ.	4. Міръ по массѣ дѣлимъ до конечнаго предѣла или безпредѣльно.	Пребывающее въ пространствѣ.
		2. Міръ во времени протенсивенъ конечно или бесконечно.	5. Конецъ причинности событія лежитъ въ конечномъ или бесконечно отдаленномъ будущемъ.	6. Начало причинности событія лежитъ въ конечномъ или бесконечномъ прошедшемъ.	

Если теперь мы обратимся къ доказательству Кантовскихъ антиномій, то тутъ обнаружится удивительно-большое число недомолвокъ, промаховъ и даже прямыхъ ошибокъ. Говорить о нихъ—значило бы прочесть цѣлый рядъ чтеній, а и безъ того уже утомилъ Ваше вниманіе. Поэтому ограничусь двумя-тремя замѣчаніями. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что Кантъ, доказывая антиномичность идеи міра, на дѣлѣ нигдѣ не вводитъ въ ходъ доказательства самой этой идеи, но вездѣ говоритъ, въ сущности, просто о пространствѣ и о времени. Отсюда слѣдуетъ, что если и впрямь онъ доказалъ антиномичность, то лишь антиномичность формъ созерцанія, а не идеи міра. Не свойства вещей—противорѣчны, а—лишь свойства пространства и времени. Столь же странно и Кантовское утвержденіе, будто противорѣчія получаются отъ того, что мы мыслимъ міръ не какъ явленіе, но какъ вещь въ себѣ. Это было бы,

¹⁾ Ср. у Вундта. Kant's Kosmologische Antinomien. въ „Philosoph. Studien“, Bd. 2, 1855, SS. 102—103.

дѣйствительно, такъ, если бы понятіе вещи въ себѣ гдѣ-нибудь входило въ кругъ доказательства. Однако нигдѣ, нѣтъ такого внесенія въ доказательство понятія вещи въ себѣ. Поэтому, если считать доказательства антиноміей правильными, то необходимо признать и то, что противорѣчія относятся не къ міру вещей въ себѣ, а къ міру явленій. Противорѣчія возникаютъ не съ выходомъ за границы всякаго возможнаго опыта, а вѣчно существуютъ въ нѣдрахъ самого опыта. Кантовская ссылка на идеальность времени и пространства, при помощи которой онъ думаетъ разрѣшить противорѣчія,—по меньшей мѣрѣ странна. Ну, а этотъ, феноменальный міръ, міръ представленія, какъ можетъ имѣть антиномическія противорѣчія? Вѣдь все-таки существуетъ идея объ немъ. Какъ же она существуетъ противорѣчивою? Получается у Канта то же, что и у элейцевъ, которые, сказавъ, что міръ быванія есть лишь *δόξα*, мнѣніе, думали, что этимъ все объяснено. Противорѣчія міра, даннаго хотя бы и въ видѣ трансцендентальной мнимости, должны быть объяснены нисколько не менѣе, нежели для міра вещей въ себѣ. Но, уступивъ и это Канту, спросимъ себя: Въ самомъ ли дѣлѣ Кантъ доказалъ антиноміи чистаго разума? Нѣтъ, и именно потому, что въ тезисахъ дѣло идетъ о немислিমости противоположнаго, а въ антитезисахъ — о непредставимости противоположнаго. Въ антиноміяхъ сталкиваются, слѣдовательно, разныя функціи сознанія, а вовсе не обнаруживается само-противорѣчивость одной и той же. Получается хорошо извѣстный фактъ, что одна способность чловѣка можетъ быть въ антагонизмъ съ другою. Такъ, глазъ видитъ предметы мѣняющимися въ размѣрахъ по мѣрѣ ихъ отдаленія, а разумокъ считаетъ ихъ неизмѣнными. Антиномія ли это?—Конечно-нѣтъ. Такъ и съ Кантовскими противорѣчіями.

Но главнѣйшее (—опускаю частныя возраженія—), что можно возразить Канту,—это непринятіе имъ во вниманіе идеи актуальной безконечности. Для него потому метафизика должна мыслить конечность міра, дѣленія его и причинности, что безконечность не можетъ быть данной. А данной она не можетъ быть потому, что данная величина получается посредствомъ ряда конечныхъ синтезовъ и что, стало быть, никакимъ рядомъ такихъ синтезовъ безконеч-

ность не можетъ быть исчерпана. Стало быть, метафизикъ требующій въ тезисахъ законченности, непременно долженъ утверждать конечность міра, дѣленія его и причинности. Напротивъ, эмпирикъ, требующій въ антитезисахъ безграничной шири для опыта, тѣмъ самымъ отрицаетъ всякую данность, ибо данность—всегда конечна, и, слѣдовательно, поставила бы границы опыту. Однако, какъ утверждение о необходимости для данности быть конечной, такъ и утверждение о необходимости для безконечности быть не-данной—совершенно неправильно. Признаки данности-законченности и безконечности-безпредѣльности сочетаются въ идеѣ актуальной безконечности, которая дана, но не исчерпывается никакимъ конечнымъ рядомъ синтезовъ. Не стану развивать Вамъ этой идеи. Напомню только, что на понятіи актуальной безконечности перестроена вся современная математика и перестраиваются соприкосновенныя съ нею науки. Притомъ, тѣмъ болѣе непонятно то,—неправомѣрное—, пользованіе у Канта понятіемъ безконечности, какъ никогда не завершеномъ синтезѣ, что самъ же онъ, въ той же „Критикѣ чистаго разума“, въ Трансцендентальной Эстетикѣ доказываетъ интуитивность пространства именно тѣмъ, что оно „представляется, какъ безконечная данная величина“, при чемъ „всѣ части безконечнаго пространства существуютъ вмѣстѣ“ и „не могутъ мыслиться до него—, но только въ немъ“. Мало того, это же утверждение Кантъ дѣлаетъ и въ Антиноміи. Получается какое то непонятное противорѣчіе въ ученіи о безконечности пространства и времени,—уже отмѣченное Шрёдеромъ и Кутюрá. Замѣчательно и то, что въ „Естественной исторіи неба“ (1755 г.) Кантъ, мимоходомъ, далъ совершенно правильное опредѣленіе безконечности: „Безконечность есть то, что не можетъ быть уменьшено вычетомъ конечной части“. Опредѣленіе это, къ сожалѣнію, забылось имъ и замѣнилось недостойнымъ Канта утверждение о безконечномъ синтезѣ,—опредѣленіемъ, скрывающимъ въ себѣ грубый *circulus*.

Мнѣ жаль, что наиболѣе интересную для меня часть моего чтенія мнѣ пришлось скомкать и сократить. Тѣмъ не менѣе, я позволю себѣ высказать тотъ общій выводъ, къ которому я пришелъ при изученіи Кантовскихъ антиномій. Идея о возможности антиноміи разума—это самая глубокая

и самая плодотворная изъ идей Канта. Но доказательство дѣйствительнаго ихъ существованія—, кажется, самое непрочное мѣсто Критики ¹⁾).

- ¹⁾ Для читателя, который пожелалъ бы вникнуть въ проблему космологическихъ антиномій, привожу небольшую часть обширной литературы: 1°, *Erhardt*, Fr.,—Kritik der Kant'schen Antinomien. Lpz., 1888.
Реч.: въ „Philos. Monatsh.“, XXVI. 1890, SS. 97 и 100—въ „Arch. f. Gesch. d. Philos.“, V, S. 260 ff.
- 2°, *Quaatz*, Johan.,—Kant's Kosmologische Ideen, ihre Ableitung aus der Kategorien, die Antinomie und deren Auflösung. Berlin, 1878. SS. 32.
- 3°, *Reiche*,—De Kantii antinomiis quae dicuntur theoreticis. Gott. 1838 pp. 60.
- 4°, *Maas*,—Briefe über die Antinomie der Vernunft. Halle, 1888. pp. 92.
- 5°, *Renouvier*, Ch.,—Les labyrinthes de la métaphysique. Les antinomies kantiennes de l'infini et du continu. (въ „La Critique philosophique“, 1876 [2], pp. 81—96).
- 6°, *Renouvier*, Ch.,—Les dilemmes, de la métaphysique pure. Paris, 1901.
- 7°, *Richter*, Jos.,—Die Kantischen Antinomien. Manuh., 1863.
- 8°, *Ward*, Lester F.,—Kant's Antinomie in the light of modern science (въ „J. of Specul. Philos.“, XV, 1881, pp. 381—394).
- 9°, *Wundt*, W.,—Kant's kosmologische Antinomien und das Problem der Unendlichkeit. (въ Philos. Studien, II, 1885, SS. 495—538).
Замѣчанія на работу В. Вундта далъ Г. Канторъ въ статьѣ „Mittheilungen zur Lehre vom Transfiniten“ (въ „Zeitschr. f. Philos. und philosophische Kritik“, 1887, XCI, SS. 81—125, 252—270).
- 10°, *Farges*, A.,—L'idée du continu dans l'espace et le temps. Paris, 1892. pp. 278.
- 11°, *Güttler*, E.,—Die Entropie des Weltalls und die Kant'scher Antinomien (въ „Zeitschr. f. Philos. und philos. Kritik“, XCIX, 1891, pp. 41—80).
- 12°, *Dunan*,—La première antinomie de Kant (въ „Rev. philos.“ XLIX, 1900, avril, pp 353—377).
- 13°, *Stommel*, C.,—Die Differenz Kants und Hegels in Beziehung auf die Antinomien. Halle, 1876.
- 14°, *Zwanziger*,—Unparteiische Erörterung über die kantische Lehre von Ideen und Antinomien. (въ „Deutsche Rev.“, 1797).
- 15°, *Saisset*, Emil.,—Le scépticisme. Aen'sidème. Pascale, Kant. Paris, 1861. 2-me éd., 1867.
- 16°, *Masci*, Fil.,—Una polemica su Kant, l'estetica trascendentale e la antinomie. Napoli, 1873.
- 17°, *Couturat*, L.,—De l'infini mathématique. Paris, 1896. 2-me part., liv. IV, chp. IV.
- 18°, *Couturat*, L.,—Les principes des mathématiques. Paris, 1907. p. 301 s.
- 18°, *Russel*, Bertrand.,—The principles of Mathematics, Vol. I. Cambridge, 1903. Part. VI, Chp. LH.
- 20°, *Evellin*, G.,—La Dialectique des antinomies (въ „Bibliothèque du Congrès International de philisophie“. Paris, 1900. I, pp. 115—218).
- 21°, *Evellin*, F.,—La Dialectique des antinomies kantiennes (въ „Rev. de Mét et de Mor.“, X, 1902, 3 pp. 244—324, 4 pp. 437—474).

ПРИБАВЛЕНИЕ:

Экскурсъ объ антиномической структурѣ разума.

Какъ уже было сказано, антиноміи, въ существѣ своемъ, приво-
дятся къ дилеммѣ: „конечность или безконечность.“ Эта противо-

22°, *Cassirer*, Ernst, — Kant und die moderne Mathematik (въ „Kantstudien“,
XII, 1908, SS. 1—49).

23°, *Робинсонъ*, Л.—Историко-философскіе этюды, Вып. I, СПб, 1908.

24°. Объ антиноміяхъ, кромѣ того, можно найти въ „Kantstudien“ въ слѣ-
дующихъ мѣстахъ:

III, SS. 194, 196, 405; IV, ss. 123, 253, 337, 341, 353; V, S. 488; VI, SS. 147,
160, 469; VIII, SS. 290, 474 и въ другихъ.

Затѣмъ, объ антиноміяхъ слѣдуетъ смотрѣть въ сочиненіяхъ, посвя-
щенныхъ *общему* обзору Кантовской философіи. Таковы:

25°, *Erdmann*, Benno.—Kant's Kritik in der erster und der zweiter Auflage
der Krit. d. rein. Vern. Lpz. 1878.

26°, *Volkelt*, Johan.,—Immanuel Kant's Erkenntnistheorie nach ihren Grundprin-
cipien analysirt. Lpz. 1879.

27°, *Паульсенъ*, Фр.—Им. Кантъ, его жизнь и ученіе. Пер. съ нѣм. Н. Лас-
скаго. СПб. 1898; 2-ое, испр. изд. СПб. 1905.

28°, *Paulsen*, Fr.,—Versuch einer Entwicklungsgesch. der kantischen Erken-
ntnistheorie, Lpz., 1875.

29°, *А. Риль и Виндельбандтъ*, Им. Кантъ. М. 1905:

30°, *Виндельбандтъ*,—Ист. нов. филос., II, СПб., 1906.

31°, *Фишаръ*, Куно.—Исторія новой философіи, IV^{т.}, СПб. 1901. Им. Кантъ
и его ученіе. Пер. съ 4-го нѣм. изд. Н. Н. Полилова, Н. О. Лосска-
го и Л. Е. Жуковского.

32°, *Cohen*, Herm.,—Kant's Theorie der Erfahrung. Berlin, 1871; 2-te Aufl. 1885.

32°, *Vaihinger*, H.—Commentar zu Kant's „Kr. d. rein. Vern.“, 2 B de, Berlin
u. Lpz. 1881—93.

И т. д. Библиографическія указанія можно найти въ 4°, *Friedr. Ueber-*
wegs Grundriss der Gesch. d. Philosophie, Dritter Theil, 9-te Auflage
bearbeitet von Max *Heinze*. Berlin, 1901, § 34, SS. 302—312, и въ

35°, Dictionary of Philosophy and Psychologie, by J. M. *Baldwin*, III, New
York and London, 1905, pp. 186—320.

36°. А новая библиографія по Кантовской философіи (съ 1896 г.) систе-
матически собирается въ *Kantstudien*.

37°. Специально нѣмецкая библиографія собрана въ книгѣ *E. Adickes*,
Bibliography of writings by Kant and on Kant, which have appeared
in Germany up to the end of 1857. („Philos. Rev.“ II, 3, 1893; II, 4—6
III, 1—6; Suppl. No 1 и, 2, 1895). и др.

Вопросомъ объ антиноміяхъ, въ его современной постановкѣ, безусловно
нельзя заниматься не считаясь съ изслѣдованіями математическими
и философско-математическими Г. *Кантора* и его многочисленныхъ

боръственность *конечности и безконечности* въ разумѣ есть выраженіе глубочайшаго противорѣчія коренныхъ нормъ самого разума. По природѣ своей, разумъ имѣетъ закалъ антиномическій, ибо разумъ дву-законенъ, дву-центренъ, дву-осень. А именно, въ разумѣ *статика* его и *динамика* его исключаютъ другъ друга, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ не могутъ быть другъ безъ друга. Съ одной стороны, въ статическомъ планѣ, въ планѣ неподвижной данности понятій каждое А есть А, и вся сила мышленія—именно въ томъ, чтобы всякое А разграничить отъ не-А,—и твердо держаться этого разграниченія. Чтобы мыслить А, мы должны изолировать его отъ всего того, что есть не-А, т. е. мы должны обособить, ограничить А, отдѣливъ его отъ не-А. А, какъ мыслимое, по существу дѣла есть *конечное*. Мы не можемъ мыслить *процесса*, не разлагая его на послѣдовательность стационарныхъ состояній,—на послѣдовательность моментовъ неизмѣнности. И мы не можемъ также мыслить непрерывное (continuum), не разлагая его на прерывную совокупность точечныхъ элементовъ. Движеніе мы разлагаемъ на рядъ состояній покоя (кинематографъ), непрерывное—на множественность элементовъ уже недѣлимыхъ. На этомъ основаны вѣчно-истинные парадоксы Зенона: о летящей стрѣлѣ и др. Это—съ одной стороны. А съ другой—, въ планѣ динамическомъ, въ планѣ устремленія къ *обочковкѣ* понятія (т. е. опредѣленія и доказательства) каждое А должно имѣть свою основу въ не-А; сущность всякаго объясненія—именно въ приведеніи А къ тому, что само не есть А, къ не-А, ибо иначе объясненіе было бы тождествомъ. Когда мы спрашива-

послѣдователей. Сводку работъ этого рода до извѣстной степени читатель найдетъ въ уже упомянутой книгѣ Б. Рёсселя (№ 19^о) и, въ болѣе элементарномъ изложеніи, у Л. Кутюра (17^о и 18^о); справочникомъ можетъ служить „Bericht über die Mengenlehre“, von Schönflies (Jahresbericht der Deutschen Mathematiker Vereinigung, Bd. VIII² и Bd. IX.)

Что же касается до обширной литературы, посвященной новѣйшимъ изслѣдованіямъ проблемъ безконечности и непрерывности то она разбѣяна по математическимъ и философскимъ журналамъ. Указанія на *часть* этой литературы читатель найдетъ въ статьѣ А. А. Schönflies, Mengenlehre (въ Encyclopädie der mathematischen Wissenschaften, I A 5, SS. 184—185 и въ „Bibliotheca Mathematica“, 1897.

Изъ работъ на русскомъ языкѣ имѣются только:

И. Жегалкинъ, Трансфинитныя числа, М. 1908.

П. Флорескій, О символахъ безконечности („Новый Путь“, 1904, № 9) и, отчасти, въ курсѣ:

N. Weber u J. Wellstein, Энциклопедія элементарной математики, Т. I. Элементарная алгебра и анализъ.

емъ: „Что есть А?“, то намъ даютъ отвѣтъ: „А есть Б,“ т. е., другими словами, выводятъ А изъ его само-тождества $A=A$ и приравниваютъ его Б,—тому, что не есть тождественно А. Мыслить ясно и отчетливо, это значитъ подъ А разумѣть именно А и ничего болѣе; объяснять и доказывать—это значитъ выходить мыслию за предѣлы А, къ Б. Мыслить ясно и отчетливо—это значитъ стоять на А и не сбиваться съ него на не-А. Объяснять (опредѣлять и доказывать)—это значитъ итти отъ А къ Б,—къ тому, что есть не-А. Но, чтобы итти отъ А къ Б, надо сперва установить А, какъ А, т. е., чтобы объяснять или доказывать А, надо сперва мыслить его ясно и отчетливо. Для того же, чтобы мыслить ясно и отчетливо надо *понимать* это А, т. е. надо объяснять (опредѣлять и доказывать) его, надо устанавливать А какъ не-А. Но для послѣдняго опять таки надо установить А, какъ А. И такъ идетъ процессъ *ad indefinitum*. Одна функція разума предполагаетъ другую; но, вмѣстѣ, одна—исключаетъ другую. Всякое не-тождественное объясненіе приводитъ А къ не - А. Всякое ясное и отчетливое мышленіе устанавливаетъ тождество $A=A$. Утвержденіе А какъ А, и утвержденіе его, какъ не - А —таковы два основные момента мысли. Съ одной стороны—статическая множественность понятій, ибо каждое изъ многихъ А закрѣпляется въ своемъ противоположеніи всѣмъ прочимъ; съ другой—динамическое единство ихъ, ибо каждое изъ многихъ А приводится къ другому, это къ третьему и т. д.

Статическая множественность понятій и динамическое ихъ единство несомвѣстны другъ съ другомъ: съ одной стороны, вѣдь, разсудокъ долженъ стоять на данномъ (т. е. единичномъ) и конечномъ (т. е. ограниченномъ), а съ другой—итти за всякую данность (т. е. единичность) и конечность (т. е. ограниченность), ибо всякое объясненіе требуетъ безконечнаго ряда объяснительныхъ или доказательныхъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое нарушаетъ само-тождество понятія объясняемаго. Это нарушеніе само-тождества, повторяю, *никогда* не можетъ быть закончено, потому что каждое опредѣленіе требуетъ новаго опредѣленія и каждое доказательство—новаго доказательства. Если мы опредѣлили или доказали А чрезъ Б, то прежніе вопросы повторяются теперь относительно Б. Стоитъ дать отвѣтъ на нихъ для Б, опредѣливъ или доказавъ его чрезъ В, чтобы они повторились теперь для В и т. д. Итакъ, первая изъ нормъ разсудка требуетъ остановки мысли, а вторая — безпредѣльнаго движенія мысли. Первая, понуждаетъ установить А, а второе свести его съ В. Первая есть законъ тождества, а вторая законъ достаточна-

го основанія. При этомъ, терминъ „законъ тождества“ я употребляю нѣсколько условно, включая въ него не только собственно законъ тождества, но еще и его неизбѣжныхъ сопутниковъ—законъ *противорѣчія* и законъ исключеннаго третьяго; всѣ три закона, вмѣстѣ взятые, выполняютъ *одну* функцію, а именно, выдѣляютъ и устанавливаютъ объекта мышленія. Къ закону тождества, понимаемому въ толькото разъясненномъ смыслѣ, и къ закону достаточнаго основанія сводятся всѣ нормы разума, но эти, коренныя, редуцирующія нормы—не совмѣстимы между собою и своимъ раздоромъ уничтожаютъ разумъ. Основа разума законъ тождества, и утокъ его—законъ достаточнаго основанія. Ткань разума,—сотканная изъ *конечности* и *дурной безконечности* (безпредѣльности)—, раздирается въ противорѣчїяхъ. Разумъ *равно* нуждается въ *обѣихъ* своихъ нормахъ, и ни безъ *одной* (т. е. безъ начала конечности), ни безъ *другой* (т. е. безъ начала безконечности) работать не можетъ. Онъ *не* можетъ работать, однако, и при пользованіи *обѣими* ими, ибо онѣ не совмѣстны. Нормы разума необходимы, но онѣ—и невозможны. Разумъ сказывается насквозь - антиномическимъ,—въ своей тончайшей структурѣ. Кантовскія антиноміи—только *пріоткрываютъ* дверь за кулисы разума. Но будучи выставлены съ полною сознательностью и въ упоръ эпохѣ просвѣтительства, съ вызовомъ раціонализму XVIII-го вѣка, онѣ являются великою *моральною* заслугою Коперника философіи.

Толькото указанная антиномичность основнаго строенія разума ставитъ существенный вопросъ о разумѣ, а именно: „Какъ возможенъ разумъ?“. Попытку дать отвѣтъ на поставленный вопросъ представляетъ моя работа „Столпъ и Утвержденіе Истины.“

Павель Флоренскій.